

И. Я. КАГАНОВ

Г. А. ПОЛЕТИКА И ЕГО КНИЖНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

(Из истории книжной культуры XVIII в.)

Г. А. Полетика как предполагаемый автор «Истории русов» — памятника, вызвавшего восторженные отзывы Пушкина, Рыльева, Гоголя, Шевченко и занимающего почетное место в украинской историографии, — давно привлек внимание исследователей. «Малорусским Титом Ливием» называет Г. А. Полетику акад. Л. Н. Майков. Совсем недавно Ю. И. Масанов посвятил ему живо написанный очерк, в котором склоняется к выводам тех, кто поддерживает принадлежность Полетике «Истории русов».¹ Украинская историческая наука, естественно, усердно занималась этим трудом, но не пришла к единому мнению насчет того, кому обязан он своим появлением.² Вопрос остается открытым, несмотря на то что еще в 20-х годах приблизились к его разрешению.³

Независимо от того, как он будет разрешен, есть все основания заинтересоваться личностью и литературным наследием Григория Андреевича Полетики (1725—1784). Он очень характерен для своего времени. Украинец по происхождению и воспитанию (первоначальное обучение Г. А. Полетика проходит в Киево-Мо-

¹ Ю. И. Масанов. История русов. — В кн. М.: В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. Под ред. и со вступ. статьей П. Н. Беркова. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1963, стр. 94—98.

² Ср. высказывание М. И. Марченко (Українська історіографія. Київ, 1959, стр. 105—108) и мнение рецензентов его книги («Комуніст України», 1960, № 6, стр. 88): первый отрицает авторство Г. А. Полетики, вторые предполагают, что «История русов» «вышла из-под пера представителей украинской помещицкой семьи Полетик».

³ См., в частности, соображения, высказанные Н. В. Горбанем в статье «Кілька уваг до питання про автора „Історії русов“» (журн. «Червоний шлях», 1923, № 6, стр. 146—150). — О. Д. Степенко, автор статьи «До питання про походження словян і Русі в українській історіографії кінця XVIII і першої третини XIX століття», называет в качестве автора «Истории русов» Г. Конисского, хотя можно считать окончательно выясненным, что не он создал этот знаменитый исторический труд, вызвавший столь разноречивые оценки (см.: «Наукові записки Кам'янець-Подільського педагогічного інституту», т. VIII, Хмельницький, 1959, стр. 56).

гилянской академии, откуда выносит превосходное знание древних и новых языков), он затем переезжает в Петербург; в качестве переводчика, компилятора и издателя принимает участие в литературной жизни столицы, а затем участвует в Комиссии по составлению Нового уложения, занимает административно-педагогические посты. Многое из того, что мы узнаём о его деятельности, лишний раз убеждает нас в том, какими тесными были связи между русской и украинской культурой, как своеобразно переплетались при этом элементы старого и нового, передового и классово- и национально-ограниченного.

Литературные труды Г. А. Полетики почти совсем не изучены,⁴ а его переписка, еще в 90-х годах опубликованная неутомимым А. М. Лазаревским,⁵ не использована для выяснения книжных интересов этого незаурядного книголюба.

Прежде всего должно быть отмечено, что Полетика в течение всей жизни дважды собирал большое количество книг — рукописных и печатных — преимущественно исторического содержания. Его первая библиотека, ставшая в 1771 г. жертвою пожара, считалась одной из лучших в России и по полноте могла поспорить не только с частными, но и с государственными собраниями его времени.⁶ Переехав в свое имение (неподалеку от г. Ромны, теперь Сумской области УССР), он снова начинает накапливать книжные богатства, которые сравнивают с золотоносной Калифорнией.

Не имея возможности в точности судить о ее составе, мы имеем основание полагать, что с великим «трудом и старанием» здесь собирались рукописи и книги «по большей части по истории Малороссии».⁷ Перед нами вырисовываются контуры сугубо специализированного собрания, используемого владельцем в утилитарных целях. Мы имеем возможность судить об этом по любопытному эпизоду, связанному с опубликованием на страницах «Ежемесячных сочинений, к пользе и увеселению служащих»

⁴ См.: П. Н. Черняев. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. — «Филологические записки», 1905, вып. III—IV, стр. 167.

⁵ «Киевская старина», 1891, № 4, стр. 97—116; 1893, № 3, стр. 493—527; № 4, стр. 98—119; № 5, стр. 209—227; № 6, стр. 491—506; № 10, стр. 112—123; № 11, стр. 298—315; 1894, № 4, стр. 128—145; № 6, стр. 496—513; № 10, стр. 111—135; 1895, № 5, стр. 239—262; № 6, стр. 350—366; № 7—8, стр. 85—99.

⁶ «Что касается до собрания моего российских рукописных и печатных книг, то ... такового не токмо ни у одного из партикулярных людей не было, но и с государственными российскими библиотеками моя в первенстве, в редкости и древности книг препираться могла» («Киевская старина», 1891, № 4, стр. 103). Сын Г. А. Полетики В. Г. Полетика стремился всячески сохранить собрание своего отца; не соглашался продать «ни за какую цену». В дальнейшем небольшая часть его попала в руки таких собирателей, как Тернавский, остальная погибла.

⁷ «Киевская старина», 1891, № 4, стр. 107.

статьи Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии». В ней был собран большой материал о киевских школах XVII столетия, в частности освещалась роль Петра Могилы как государственного деятеля, содействовавшего росту Киевской академии. Печатаение этой работы Полетики было прекращено по требованию Ломоносова, усмотревшего в ней искажение исторических фактов, поскольку в статье «упомянуто-де только о киевских школах, а не о московских».⁸

Эпизод этот убеждает нас в том, что Полетика, живя в Петербурге и работая, как увидим дальше, над темами, весьма далекими от истории Украины, не прекращает активно интересоваться ею, собирает обширные материалы, отстаивает свою точку зрения.⁹ В самой статье обращают на себя внимание тщательный подбор источников, обширные библиографические ссылки, в частности на работы польских историков, использование «летописей рукописных малороссийских».

Работая в качестве переводчика сначала в Сенате, а затем в Синоде, Г. А. Полетика занимается не только переводами, но и компиляциями. Достаточно хорошо владея иностранными языками, он в основу своей работы кладет принципы, которые свидетельствуют о строгой требовательности, предъявляемой им к труду переводчика: переводчик должен проверять по разным изданиям трудные места, обязан следовать тексту подлинника, «не примешивать ничего лишнего от себя». Так, в переводе отрывка из «Политики» Аристотеля («Аристотеля о гражданском учреждении кн. II») он указывает, что «в переводе на русский язык наблюдаемо было, чтоб ... не в таком виде представить Аристотеля, в каком его представляли схоластики и тем многим недоучившимся мудрецам повод подали к презрению сего славного мужа».¹⁰

Аналогичные утверждения встречаем мы и в «Предупреждении» читателю в переведенной Полетикою книге «Епиктита, стоического философа Енхиридион и апофегмы и Кевита Фивейского Картина или изображение жития человеческого» (СПб., 1759; 2-е изд., СПб., 1767): «При сомнительных обстоятельствах и несогласных в изъяснении оных между учеными людьми мнениях» переводчик стремился «держаться греческого подлинника,

⁸ См.: П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. — «Записки имп. Академии наук», т. XII. Приложение № 5, СПб., 1867, стр. 45—47. См. также: А. Запатов. М. В. Ломоносов и журналистика. Изд. МГУ, М., 1961, стр. 76—78. В Архиве АН СССР хранится переписка, вызванная этим запрещением, в частности, объяснения акад. Г. Ф. Миллера, который рассматривает запрещение печатать статью Полетики как «крайнюю себе обиду» (ААН, ф. 3, оп. 1, л. 151).

⁹ Акад. Г. Ф. Миллер указывает в своем объяснении, что Полетика отказался внести исправления в статью (ААН, ф. 3, оп. 1, л. 159 об.).

¹⁰ «Ежемесячные сочинения», 1757, июнь, стр. 485.

а в темных и двоякого разума местах выбирать то мнение, которое более вероятно и с разумом сходно». ¹¹

Полетика подробно излагает историю публикации сочинений Эпиктета, анализирует различные их издания, перечисляет истолкователей его философии, ссылаясь, между прочим, на труды К. Геснера, на словарь Беля и обнаруживая таким образом незаурядную эрудицию и библиографическую осведомленность.

Помимо только что названной книги «стоического философа», Полетика за короткое время выпускает еще несколько книг: «Ксенофонта о достопамятных делах и разговорах Сократовых . . . и Оправдание Сократова перед судиями» (СПб., 1762); «Истинные основания и должности христианския веры, или Наставление язычникам, обращающимся в христианскую веру, сочиненное ясным и к понятию всякого удобным способом» (СПб., 1762); «Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданный в пользу учащегося российского юношества» (СПб., 1763).

Переводы по античной философии и истории, богословских сочинений, лексикографический труд, как и всякий другой труд составителя словаря требующий и больших познаний и большой затраты энергии, ¹² — таков обширный тематический диапазон печатных трудов Г. А. Полетики.

Вместе с тем обращает на себя внимание явно обнаруживаемое Полетикою-литератором стремление содействовать своими трудами распространению наук, что позволяет говорить о свойственных ему просветительских тенденциях. К такому заключению приводят предисловия, «предуведомления к читателю», которые открывают его книги. Так, излагая историю публикаций сочинений Эпиктета, он попутно дает восторженную характеристику эпохи Возрождения, когда в Европе «возобновлены были науки». В предисловии к «Словарю» он говорит, что благодаря знанию языков «охотники к наукам» «награждаются многообразным знанием о вещах, обогащают мысли, просвещают разум».

Характерно, что Полетика, как об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР, печатает некоторые из своих книг на собственный счет, принимает участие в реализации их тиражей, кстати сказать, довольно значительных по тому времени. ¹³ Что руководит им при этом — коммер-

¹¹ Эпиктета, стоического философа, Енхиридион . . . Перев. с греч. яз. Г. Полетику, СПб., 1759, стр. 25 (нenum.).

¹² В предисловии составитель говорит, что в основу словаря положен словарь, изданный в Лондоне в 1696 г. «славным господином Реем на трех языках» (английском, греческом, латинском). К ним прибавлены «российский, французский, немецкий», «чтобы всяк из Российского народа мог учиться оным по своему произволению». — Словарь на шести языках . . . СПб., 1763, стр. 4 (нenum.).

¹³ «Истинные основание и должности христианския веры. . .» были отпечатаны в количестве 5000 экз. Полетика просит половину тиража передать

ческий расчет или стремление сделать свои труды достоянием возможно большего числа «охотников до наук» — решить трудно. Образ Полетики сложен и противоречив. Мы с самого начала отметили, что он был владельцем незаурядного книжного собрания. Мы только что познакомились с ним как с полиглотом-эрудитом, прилежным литератором, не чуждым просветительских тенденций. Более того: будучи членом Комиссии по составлению Нового уложения, Полетика писал своим выборщикам: «Поверьте, милостивые государи, что есть ли усердию моему и ревности по общему благу будут соответствовать возможности мои и силы, то не будет вздыхающего в отечестве»,¹⁴ что как будто свидетельствует о достаточно определенных антикрепостнических взглядах Полетики, выбранного в комиссию от Лубенского (на Полтавщине) полка. О том же говорят и отдельные места докладных записок, которые он как депутат подает в комиссию.¹⁵

Не будем, однако, торопиться с выводами. Данные, почерпнутые из его переписки, и анализ тех же докладных записок представляют нам его в ином свете. Пафос его исторических изысканий направлен на то, чтобы найти доказательства, которые могли бы подкрепить притязания украинского шляхетства, не всегда и не во всем признаваемые русским правительством. Если у авторов «кронийчок» и «диарушей» и казацких «летописей» (например у С. Величка) мы обнаруживаем стремление героизировать историю родного народа, показать его величие, оттенить место, которое в освободительной борьбе, в общественной жизни занимали «посполити» — простой народ, то у Полетики дело сводится преимущественно к перечислению государственных договоров, грамот, универсалов, долженствующих подтвердить права и привилегии казацкой старшины, которые должны во всем — и прежде всего в эксплуатации крепостных — приравнять ее к русскому дворянству.

Поразительные контрасты обнаруживаются в его письмах — как тех, что он посылал из Петербурга в свое имение, так и в адресованных из имения своим столичным корреспондентам.

Рачительный хозяин, Полетика дает советы, как лучше реализовать урожай выгодно, закупить пеньку, послать для продажи

ему, а другую оставить для продажи «здесь в академической книжной лавке». «Словарь» был выпущен в свет в количестве 200 экз. «на любской бумаге», 3600 — «на российской комментаторской». Это издание автор рассчитывал разослать «по обретающимся при архиерейских домах семинариям», но «учинить того» не может, так как «оным семинариям штаты не апробованы» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 162; № 532, л. 210).

¹⁴ «Киевская старина», 1890, № 11, стр. 335.

¹⁵ В журнале «Основа» в мартовском номере за 1861 г., где сообщалось о манифесте 19 февраля, приведены (наряду с «Одой на рабство» В. Капниста) выписки из докладных записок Полетики, где говорится, что «для малороссийского народа и одно сие воображение («быть в крепости», — И. К.) ужасно и несносно» («Основа», 1861, март, стр. VII—VIII).

«горілку». В письме от 22 октября 1772 г. он пишет жене: «Мне кажется, не худо бы нам набрать из юдиновских и чеховских мальчиков, сверх имеющихся при мне, еще человек шесть или семь, чтоб отдать их здесь в разные для дому нужные художества . . . Наберите их, несмотря ни на какие отцов и матерей их отговорки . . . и пришлите их сюда».¹⁶

Депутат Комиссии по составлению Нового уложения, который совсем недавно обещал стремиться к тому, чтобы не было «воздыхающего во отечестве», считает возможным оторвать детей своих крепостных от родителей и называет «отговорками» протесты разлучаемых!

Совсем другими словами этот просвещенный крепостник говорит о воспитании своих сыновей. Заботливый отец, он желает дать им такое образование, чтобы они были «с веком наравне». Он подыскивает в Петербурге «недорогого» учителя, который будет учить их французскому языку;¹⁷ он настаивает, чтобы они наряду с латинским языком изучали прежде всего математику: «Я бы советовал тебе приняться за курс философии . . . Со всем тем не надобно бросать и математики, но упражняться в нужнейших оных частях».¹⁸

Переписка Г. А. Полетики показывает, что во всем, касающемся обучения своих сыновей, он пользуется передовыми для его времени педагогическими идеями. Позднее он отправит сыновей учиться за границу в один из немецких университетов. При этом, однако, он будет сетовать на то, что не может послать вместе с ними дядек, которые обслуживали бы молодых господ.¹⁹

В переписке Г. А. Полетики немалое место уделено вопросам, связанным с ведением судебных дел о разделе наследственных земель. Естественно, это были процессы, которые велись между более или менее близкими родственниками. И в письмах, которыми они в связи с этим обмениваются, нередко приподнимается уголок завесы над тем, что таилось за внешне корректными родственными отношениями.

Вот что пишет Григорию Андреевичу его брат Иван из Васильчикова 25 ноября 1779 г.:

«М. г. мой, братец Григорий Андреевич. Письмо ваше, наполненное лаяния и ругательств, имел я несчастье получить: мог бы и я таким образом взаимно ответствовать, ежели б имел такую дурную и пронирливую душу, как вы. Но я, устраниаясь от таких филозовских выражений, каковые вы употребляете и которых и сам Руссо, обожаемый вами, в употреблении не имел, хочу только запросто вам объявить нижеследующее». И дальше

¹⁶ «Киевская старина», 1893, № 3, стр. 504.

¹⁷ Там же, № 5, стр. 214.

¹⁸ Там же, № 6, стр. 497.

¹⁹ См.: там же, № 5, стр. 226—227.

в том же письме: «Вы умеете мои дела передеживать, а сами, будучи философом Руссовой секты, за полушку давитесь».²⁰

Независимо от того, в какой мере справедлива эта злая характеристика, ей нельзя отказать в образной силе: последователь Руссо, «философ Руссовой секты», с «дурной и пронырливой душой», который «за полушку давится»...

При этом необходимо обратить внимание, что обвинение в приверженности к «Руссовой секте» исходит не от какого-нибудь невежественного захоластного обывателя. Оно принадлежит человеку, в сфере своей деятельности выдающемуся. Иван Андреевич Полетика (1722—1783) — врач, закончивший свое медицинское образование за границей, и первый из наших соотечественников, удостоенный звания профессора иностранного университета.

Дошедшие до нас письма Г. А. Полетики значительно дополняют и его облик как книголюба. Мы постоянно встречаем в них просьбы разыскать, закупить, выслать те или иные книги, организовать переписку редких изданий. При этом его интересует все, что говорится о начале и учреждении козаков и о всем, что до них касается.²¹ Такие просьбы обращает он к Георгию Конисскому; ²² постоянно дает «книжные» поручения сыну,²³ благодарит своего венского корреспондента за розыски книг.

Если не считать закупаемых при случае учебников для своих детей, Г. А. Полетика ни разу не упоминает книг, тематика которых не была бы связана с предметом его изысканий — историей Украины, вернее, историей украинских шляхетных родов, доказать права которых на дворянство он ставил своей первой задачей.

Незаурядные способности, разносторонняя эрудиция, хорошая осведомленность в новейших умственных устремлениях эпохи, огромная энергия, позволившая Г. А. Полетике дважды в жизни собрать большие книжные богатства, и в конечном итоге — использовать все это для сутяжнических судебных процессов и сомнительных генеалогических изысканий... Таков портрет украинского книжного собирателя Григория Полетики, петербургского литератора, автора компилятивных трудов и переводчика, депутата Комиссии по составлению Нового уложения, роменского помещика. Он позволяет судить, в какой мере сложными, избыточными контрастами и противоречиями, были в XVIII столетии и формы русско-украинских культурных взаимодействий, и пути усвоения передовых просветительских идей.

²⁰ Там же, 1894, № 10, стр. 111—112. — Разрядка моя, — И. К.

²¹ Там же, 1893, № 5, стр. 227.

²² Там же, 1895, № 5, стр. 239; № 6, стр. 363.

²³ Там же, 1893, № 6, стр. 499—500.